

ГАСТРОЛИ

Коллектив театра в хорошей «спортивной» форме.

Энергии, заданной Фоменко, его театру хватит на много лет

В ПЕТЕРБУРГЕ НАЧАЛИСЬ ГАСТРОЛИ «МАСТЕРСКОЙ ПЕТРА ФОМЕНКО», ПЕРВЫЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ МАСТЕРА

Вчера в отеле «Амбассадор» прошла пресс-конференция, в которой принимал участие актерский состав «Театрального романа», в том числе лидеры труппы — Кирилл Пирогов, Галина Тюнина, Мадлен Джабраилова, Максим Литовченко и другие.

Зрители увидят две последние работы «Фоменок»: «Театральный роман», последнюю работу мастера, поставленную в соавторстве с Кириллом Пироговым, и «Дар» по Владимиру Набокову, премьеру, выпущенную Евгением Каменковым, ставшим руководителем «Мастерской» после смерти Петра Наумовича.

В такой композиции гастролью заключена своего рода интрига. Нам предлагается и полюбоваться на прекрасное прошлое театра, и заглянуть в его гипотетическое будущее. Каменков зарекомендовал себя как мастер сложных композиций по интеллектуальной прозе, несколько лет назад его 5-часовая «Улисс» был номинирован на «Золотую маску». Рассказывать о «Даре» артисты отказались (составы спектаклей не пересекаются), представив это режиссеру, который прибудет в город спустя несколько дней.

«Каменковичу свойственен очень опасный поиск. Шесть часов. Очень много подробностей. Если вы хотите поработать сердцем и умом, то это для вас» — так сформулировал суть премьеры директор театра Андрей Воробьев.

Основная масса вопросов касалась «Театрального романа» и была обращена Кириллу Пирогову. Хотя инициатива достаточно часто перехватывала энергичная Галина Тюнина. Как сказал актер, работа над «Театральным романом» (желчная автобиографическая сатира Булгакова посвященная периоду постановки «Дней Турбинных» во МХАТе) была начата на «вечере проб и ошибок по его инициативе, впоследствии поддержанной Фоменко. Как иронично заметил артист, хотя Петр Наумович и признавал право артиста на соавторство, но «терпеть не мог режиссуру вкладывать». На вопрос о том, задействованы ли в спектакле «новые технологии», Галина Тюнина среагировала

молниеносно: «Это очень старомодный спектакль».

Помимо труппы на пресс-конференции присутствовала вдова Фоменко Майя Тупикова, под сочувственные аплодисменты аудитории занявшая место среди актеров и вспомнившая, что в начале 70-х Фоменко начинал репетировать «Театральный роман» в Театре комедии с Олегом Башилави. Николаем Дрейденом, самой Майей Андреевной, но до премьеры дело не дошло. В 70-е — начале 80-х Ленинград «выдавал» наиболее талантливых режиссеров, способных составить конкуренцию генеральной товстоновской линии. Вспоминая этот период, режиссер не давал волю чувствам, так и вдова лишь мягко процитировала мужа: «Климат здесь — не климат». Имея в виду, конечно, климат театральный.

Одним из первых вопросов, обращенных артистам, логично стал: «Как вам живется без Петра Наумовича?» На что директор театра Андрей Воробьев прямодушно ответил, что театр работает на энергии, заданной Фоменко, его заданиями. Сравнивая же с ситуацией помогает работа — «живем, завалив себя с головой». Та же самая «работа», по словам актеров, не дает им свернуть и этического курса, заданного Фоменко, чья мягкая диктатура и негласный этический кодекс нейтрализовали все интриги. В отличие от других лидеров у Фоменко была еще одна ставшая черта — он не относился к числу тех, для кого «после нас — хоть потоп». В его театре ставили ученики и коллеги, негласно подготавливалась почва для преемника. Все эти факторы, будем надеяться, и определяют хорошую «спортивную» форму «Мастерской» на ближайшие десятилетия.

Татьяна ДЖУРОВА
Фото Михаила САДЧИКОВА-МА

ЮБИЛЕЙ

Александр ГОРОДНИЦКИЙ: Авторская песня всегда затрагивала острые проблемы нашей действительности

СЕГОДНЯ АЛЕКСАНДРУ МОИСЕЕВИЧУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ

Его стихи и песни стали гимном нескольких поколений. Его жизненный путь полон открытий и смелого творчества, а его имя стало синонимом термина «авторская песня». Накануне 80-летия петербургского барда мы связались с ним по телефону. Несмотря на то что Александр Моисеевич буквально только сошел с трапа самолета, он нашел время, чтобы принять наши поздравления и ответить на вопросы.

«ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ БЫЛО ПОСВЯЩЕНО ГЕОЛОГАМ»

— Сочинительство приходит ко всем по-разному. Как оно пришло к вам?

— Классе в седьмом мы с приятелем пошли поступать в кружок рисования во Дворец пионеров на Фонтанке. При всем этом я рисовал плохо, приятель же мой рисовал хорошо и, кстати, потом стал профессиональным художником. Но сложилось так, что в этот день — помню, был четверг — студия рисования была закрыта. Мы замешкались на минуту, и я услышал, что за соседней дверью читают стихи. Я приоткрыл дверь, просунул голову и увидел там мальчиков и девочек лет четырнадцати, моих ровесников, сидевших вокруг стола. Перед столом стоял высокий курчавый человек в гимнастерке без знаков различия и в больших роговых очках. Перед ним лежали полевая офицерская сумка и несколько книжек стихов. Человеком этим оказался в ту пору доцент Пединститута имени Герцена Ефим Григорьевич Эткинд, филолог и известный переводчик. Так выглядело занятие литературной студии. Мне очень захотелось попасть туда и участвовать в интересных этих делах. Выяснилось: для того чтобы туда попасть, нужно написать два стихотворения. Воодушевленный, но при этом и весьма озадаченный, я побежал домой, и через несколько дней я их написал — одно из них описывало на что-то лермонтовское и называлось «Умирающий гладиатор», а второе, как ни странно, было посвящено геологам! Я его даже напечатал уже спустя десятилетия в одном из «полных собраний сочинений». Хотя стихи и были не ах какие, меня приняли, и с той поры я начал писать стихи.

«МЕНЯ НЕ ПЕЧАТАЛИ 18 ЛЕТ, А ВОТ ЗА ГРАНИЦУ ВЫПУСКАЛИ»

— В советские времена практически каждый поэт имел дело с цензурой и ее последствиями...

— В памяти никогда уже не сотрется знаменитый донос 1968 года на группу молодых ленинградских литераторов. То был вроде февраль. После вечера в Доме писателя на Воинова, 18, посвященного альманаху «Молодой ленинградец», группа подполковника написала большой донос и разослала его на три адреса: в КГБ, в обком партии и в Союз писателей — на участников этого вечера. Главными фигурантами доноса были Иосиф Бродский, Сергей Довлатов, Валерий Попов, Татьяна Галушко и ваш покорный

слуга. После этого меня, в частности, не печатали 18 лет, ибо попал в «черные списки». До этого две маленькие книжечки успели проскочить, а потом меня «замолчали».

— Не сказала ли вся эта история на вашей научной деятельности?

— Самое-то интересное, что нет! Этому на самом деле способствовало несколько факторов. Во-первых, в 1972 году я переехал из Ленинграда в Москву. Во-вторых, видимо, потому, что тогда еще не было компьютеров в нашем с вами современном понимании и поэтому отдельные департаменты одного и того же ведомства между собой не общались. Вот так и получилось, что в департаменте идеологии числился неблагонадежный поэт Городницкий, да еще и еврей к тому же, что в злополучном доносе дополнительно акцентировалось, которого было нельзя печатать да и вообще к ответственным делам подпускать. В отделе же науки имелась информация о совсем другом Городницком: научный работник, инженер, работает на оборону страны и, несмотря на беспартийность и равную принадлежность к евреям, в зарубежных поездках остается «там» — не пытался, контрабанды не возил, в антисоветские не замечен. Мы привыкли говорить и думать, что СССР был всевидящим, а вот ни фига! При всем этом я не прикладывал никаких усилий, чтобы замечать следы, — они сами меня «пропустили». Были Галич, Высоцкий, воевавший с властью. Я же с ней не воевал, а работал на оборону страны. Это они воевали со мной, как и со всей авторской песней, в числе которой член партии Булат Окуджава, Юрий Визбор, совершенно лояльный... Всех их без разбора, тех, кто боролся, и тех, кто не боролся, поставили вне закона — попытка свободно дышать в несвободном государстве была крамольной по своей сути.

«НЫНЧЕ АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ УШЛА ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ»

— Актуальна ли авторская песня сейчас?

— Сложно судить, актуальна или нет. Это потому, что переживает она сейчас жесточайший кризис. С моей точки зрения. Причин этому несколько.

Первая заключается в том, что все перечисленные мною авторы, увы по большей своей части ушедшие из жизни, были профессиональными литераторами и талантливыми поэтами. То есть авторская песня была явлением литературного ряда. Это была некая форма изустной поэзии с гитарой в руках. С уходом из жизни первого поколения ему на смену пришли хорошие исполнители, прекрасные музыканты, но вместо стихов появи-

В Петербурге Александра Городницкого знает каждый уголок. И это деревце, посаженное им в скверике имени Андрея Петрова.

Александр Моисеевич Городницкий родился 20 марта 1933 г. в Ленинграде в семье служащих. Пережил блокаду. В 1951 г. окончил с золотой медалью 236-ю среднюю школу г. Ленинграда (ранее учился в 254-й школе). В том же году поступил на геофизический факультет Ленинградского горного института им. Г. В. Плеханова, который окончил в 1957 г. по специальности «геофизика».

Основная профессия — геофизик. Поэт Александр Городницкий — автор более 30 книг стихов, песен и мемуарной прозы и нескольких десятков дисков с авторскими песнями. Член Союза писателей России (1972), Международного ПЕН-клуба (1988), член Союза московских писателей и Международного союза писателей-маринистов, лауреат Царскосельской художественной премии (1998) и национальной общественной премии «Благодарность» (2005), первый лауреат Государственной премии имени Булата Окуджавы (1999).

Стихи и песни Александра Городницкого переведены на языки многих народов мира, включены в школьные программы. Именем Александра Городницкого названы малая планета Солнечной системы и горный перевал в Саянах.

Автор и ведущий научно-популярной программы на канале «Культура» — «Атланты. В поисках истины».

лись тексты, не несущие в себе никакой поэтической ценности. И вот то, что нынче авторской песней зовется, ушло из литературы, пришло на эстраду и сформировало самостоятельную сцену, став частью шоу-бизнеса.

Вторая причина. Одной из главных составляющих авторской песни, которая обеспечивала ей устойчивость и самобытность в 1960-е годы в Советском Союзе, была яркая протестная составляющая. Сейчас этого ничего нет. Но разве у нас в России сейчас нет проблем? Мне так не кажется. Полно! Но про них — тишина. Ну а последняя причина — потеря профессиональности: плохая музыка, речитативность, отсутствие стихов, скатывание от авторской песни к очень нелюбимому мною жанру — пошлему, бездарному, являющемуся суррогатом массовой культуры и носящему странное название «русский криминальный шансон». По сути это непонят-

но что: он и не русский, и не криминальный. Я вижу подделку именно потому, что знаю и люблю многие эковские песни, которых наслушался за 17 лет работы на Крайнем Севере. Ну и наконец, это никакой не шансон. Шансон — это уважаемое слово, которое подразумевает, что сейчас зазвучит Ив Монтан, но уж всяко не эти подделки.

— А бардовская ассоциация-то куда смотрит? Что вы можете сделать, как ее президент?

— Стоп-стоп! Вот это то, про что нужно забыть. Эти данные из одной биографии колют, и один списывает у другого. Эта история была лет пятнадцать назад. Да, тогда возникла ассоциация российских бардов, какие-то богатые люди все это финансово поддержали, за полгода ее зарегистрировали в Минюсте, я стал президентом, а через два года олигархи разорились, и на этом все

закончилось — осталось лишь всплывающее то тут, то там название. Если же говорить про исполнителей — то да, хороших очень много и есть греющие душу моменты, например, был проект «Песни нашего века»: им были объединены довольно интересные барды, которые пели хором песни из золотого наследия этого жанра. Но это исполнительская сторона. А что касается стороны авторской... Есть, конечно, люди более-менее талантливые, но, к сожалению, им еще многого не хватает.

— Вы несколько раз упомянули простую составляющую. Разве авторская песня должна быть именно такой?

— Нет на самом деле. В действительности поэзия должна говорить о вещах вечных — о смерти, о любви, но, к сожалению, в России, при нашей жизни, именно этот протест и дал жизнь авторской песне, и после этого так уж повелось, что авторская песня всегда затрагивала острые социальные проблемы нашей действительности.

«ОТ НЕЯВНОЙ ЦЕНЗУРЫ НИКУДА НЕ ДЕТЬСЯ»

— Мы уже несколько раз подходили к теме цензуры, да только она у нас звучала в прошедшем времени. Как по-вашему, есть ли она сейчас? Приходилось ощущать ее на себе?

— Я всю жизнь с ней сталкиваюсь — и с очевидной, и с официальной, и с неявной. Случилась со мной одна история. Мы тогда боролись против газпромовской башни, и я подписывал всякие письма против «Охтацентра». На тот момент я регулярно, два раза в год, выступал на Выборгской стороне в Концертном зале отеля «Санкт-Петербург». И только мы подписали это письмо, а среди подписавших были уважаемые люди — Олег Башилави, Михаил Пиотровский, Юрий Шевчук, — как за четыре дня до моего концерта мне позвонили и сказали: «Ох, извините, пожалуйста, но мы вынуждены

отменить ваш концерт по техническим причинам». И что бы они ни говорили, было понятно: все это последствия моей подписи на письмо. Мир, конечно, меняется, с плеча уже не рубят, как раньше, но неявная цензура существует, и от нее никуда не деться.

— Сейчас началась эпопея с передачей церкви когда-то конфискованной собственности. Что думаете об этом?

— Я отношусь к этому вопросу с очень большой осторожностью. Дело в том, что рост клерикализма в нашей стране весьма опасен. Все эти события, начиная с позорного процесса над «Pussy Riot» и кончая передачей огромных имуществ системе РПЦ — с одной стороны, с другой — попытки введения «закона божьего» в средней школе, введение РПЦ-логики в таких передовых вузах, как МГУ, МФТИ, МИФИ, в XXI веке — это волна мракобесия, которое давит любое инакомыслие. Все это — повод задуматься, а то и реально напрячься.

— В последнее время у нас много что запретили: покупать алкоголь ночью, курить, пропаганду секс-меньшинств. Как думаете, на пользу все это?

— Курение, конечно, нужно ограничивать, я сам никогда не курил. Запрет на алкоголь — ерунда, это такой же идиотизм, как вырубка виноградников при Горбачеве: алкоголизм этим не победишь. Все это дело приведет к очень широкому недовольству, а то и к катаклизмам. Милонов, кстати, хороший пример такого типа начальника, о котором я говорил. Я лично подписывал письмо, призывающее отозвать его из депутатов. Я хоть и вдали сейчас от Петербурга, но я ленинградец, я — блокадник, и я болею за то, чтобы в ЗакСе этого великого города работали достойные люди.

«КТО Ж ПИШЕТ-ТО В ТАКОМ ВОЗРАСТЕ? А Я ПРОДОЛЖАЮ!»

— Давайте отойдем в сторону от этих «веселых ребят». Не кривя душой, я скажу, что на вашем творчестве выросло несколько поколений молодых людей, которые читают ваши стихи своим детям на ночь. Что вы чувствуете по этому поводу?

— Это очень теплое чувство, счастье это или нет, но оно возникает тогда, когда 24 — 25 июня, в разгар выпускных в Питере, мальчики и девочки, пересекая Дворцовую, подходят к атлантам, встают под ними, поют мою песню и идут дальше. Да, пожалуй, это счастье.

— Какие ваши любимые места в Петербурге?

— Слово «Ленинград» было третьим после слов «мама» и «папа». У меня есть пара мест, связанных с моей жизнью. Одно из них — около Андреевского собора, рядом с домом, который на моих глазах горел в феврале 1942 года. Моим родным домом. Второе — это Новая Голландия, Мойка, 108, около моей бывшей школы, теперь разоренной, там, где арка, в которую входит канал. Эти два места мне очень близки.

— Продолжаете ли вы писать сейчас? — Я иногда спохватываюсь: 80 лет, кто ж пишет-то в таком возрасте? Это, наверное, сложно! Однако я продолжаю! Сейчас вышла книжка стихов, написанных за последние два года, называется «Корабли у пирса». Так что я еще в деле.

Беседа с Александром БЛАХОВ
Фото Натальи ЧАЙКИ